

УДК 821.161.1

Л.С. Старикова

МЕТАТЕКСТОВАЯ СТРУКТУРА И СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РОМАНЕ В.Е. МАКСИМОВА «КОЧЕВАНИЕ ДО СМЕРТИ» (1994)

Метатекстовая структура романа отражается через рефлексивный характер повествования, через выбор формы «роман в романе», вставные тексты, которые как метаповествовательные приемы актуализируют общение автора с читателем, влияние на его восприятие и трактовку текста, интертекстуальный диалог с традицией каторжной литературы (смысломоделлирующая функция), подлинность исторического факта (документально-историческая функция), комментарий к тексту, способ завершения романа (композиционная функция).

Ключевые слова: метатекст; метатекстовая структура; рефлексия; вставные тексты; роман в романе; феномен творческой неудачи; лагерная проза; В.Е. Максимов; «Кочевание до смерти».

Роман «Кочевание до смерти» был написан за год до смерти писателя и стал итоговым для Владимира Максимова. В нем он вновь обратился к истории революции, Гражданской войны и к описанию лагерной жизни, эмиграции, основанным частично на его личной биографии, – ко всем основным проблемным векам, трагическим, переломным моментам российской истории XX в. Их автор затрагивал и в предыдущих произведениях и отражал через частного человека, т.е. историческую концепцию личности, складывающуюся, по мнению И.М. Поповой, «из мировоззрения человека определенной исторической эпохи и его представлений о сущности прогресса» [1. С. 170].

В целом проблема нашего исследования заключается в раскрытии образа зоны в метатекстовой структуре произведения. С этой позиции лагерная проза демонстрирует обширный метатекстовый потенциал. Рассматривая образ зоны, мы обнаружили метатекстовые признаки в цикле «Воскрешение лиственницы» В. Шаламова (творческий хронотоп, мышление литературными образами героя-писателя / поэта и т.д.), в повести «Зона» С. Довлатова (структурное построение – письма к издателю, акцент на присутствии автора в тексте и т.д.). Всех этих писателей отличает рефлексия над прошлым и над творчеством, через которое они пытаются отразить свой лагерный опыт. В романе «Кочевание до смерти» Владимир Емельянович Максимов затронул проблемы, напрямую связанные с вопросами творчества и рефлексивным характером повествования, которое выводит нас на уровень метатекста. Это темы писательского призвания, таланта, неудавшегося произведения и неудавшейся писательской судьбы.

Целью данной статьи является анализ и описание метатекстовой структуры романа «Кочевание до смерти», включенного тематически в лагерную прозу; задачами – выявление сфер эксплицитного автора, определение внутренних потребностей героя в творчестве, причин его писательских неудач.

Метатекст, по нашему представлению, – это интерпретация текста по законам его внутренней структуры, его условной реальности, это рефлексия авторского сознания над собственным текстом (литературная саморефлексия; явления второго и третьего ряда), проявляющаяся в композиционной и сюжетной

структуре произведения. Метаповествовательные приемы (для удобства будем использовать устоявшийся термин [2]), из которых складывается метатекстовая структура произведения, понимаются нами как специфические способы отображения метатекста, используемые эксплицитным автором; среди них выделяем следующие: герой является писателем / поэтом; присутствие автора в тексте; непосредственные случаи рефлексии над собственным и чужим творчеством, или авторефлексия; творческий хронотоп, отражающийся в создании художественного образа с помощью литературных отсылок, книжного мышления автора и героев; вставные тексты интертекстуального плана, «текст в тексте»; роман в романе, роман о романе, написание героем собственного текста. Возможны и другие приемы, пока не попавшие в круг нашего анализа.

Метатекст тесно связан с автобиографическим началом, поскольку авторы, рефлексиирующие над своим творчеством либо над жизненным опытом в самом произведении через своих героев-двойников (что мы видим у писателей лагерной прозы), используют для анализа и интерпретации реальный материал, как правило, из своей жизни. Т.О. Личманова, обобщая характеристики такого явления, как «новый автобиографизм», выделяет некоторые важные моменты в отношении метатекстовых проявлений автобиографических произведений: «формирование образа автора-героя, понимание жизни которого максимально приближено к авторскому, что приводит к доминированию личности автора в тексте и моноличности повествования» [3. С. 259]. Роман Максимова во многом автобиографичен, писатель был в лагере, эмигрировал, как и его герой Михаил Бармин. Автобиографический характер произведений писателя отмечают многие исследователи, например А.Р. Дзиов [4], Ю.Л. Дмитриева [5], А.Е. Умнов [6].

Относительно характеристики жанра данного романа, который мы считаем метароманом, хотелось бы прокомментировать утверждения некоторых ученых, считающих «Кочевание до смерти» филологическим романом [7–9], возможно, в силу времени написания их работ (1990-е и начало 2000-х). Например, А.В. Баклыков пишет: «Наличие многочисленных лирических отступлений в романе “Кочевание до

смерти» и использование приема «роман в романе», который, якобы пишет главный герой, позволяет говорить о важности темы творчества, психологии творческого процесса, что дает возможность определить жанровую разновидность произведения как «филологический роман»» [Там же]; «Способы изображения темы творчества в романе Владимира Максимова «Кочевание до смерти» позволяют говорить о нем как о «филологическом романе», в котором творческий процесс, психология и философия творчества писателя занимают важнейшее место, определяя его жанровое своеобразие» [Там же]. Филологический роман – уже устоявшийся жанр (см. например, [10, 11]), это тот роман, в котором герой – филолог, роман о филологе или филологии как науке, профессии, есть отражение отношения героя к культуре через литературоведческое творчество и т.д. «В «филологическом романе» граница между non-fiction и fiction практически неопределима, комментарий растворяется в повествовании, не претендуя на абсолютное выяснение происходящего и его объективное толкование, совмещающиеся тексты функционируют по отношению друг к другу как маргиналии с подвижными границами» [12. С. 133]. С этой точки зрения с утверждением Баклыкова нельзя согласиться. «Кочевание до смерти» – в большей степени исторический роман, реалистическая проза; главная проблема для В. Максимова – не филология (хотя есть проблема творчества, проблема писательской судьбы, герой – писатель, но не филолог), а человек (и Человек, отдельная личность) в Истории.

Продолжая определять жанровую характеристику «Кочевания до смерти», обратимся к мнению исследователей И.М. Поповой и Л.Е. Хворовой, которые издали курс лекций «Проблемы современной русской литературы» (Тамбов, 2004), где 3-я глава «Жанровостилевая диффузия в романах Владимира Максимова 1980–90-х годов» лекции III «Русская литература 1970–90-х годов: динамика художественной системы прозы Владимира Максимова» охватывает роман «Кочевание до смерти». Они считают данный роман примером совмещения принципов реализма и постмодернизма: «Оставаясь в рамках реалистической эстетики, В. Максимов воплотил в своих поздних романах “Прощание из ниоткуда” (1981) и “Кочевание до смерти” (1994) некоторые постмодернистские принципы: “текст как игра”, “мир как текст”, “культура как игра”» [13]. Мы не можем согласиться с данной идеей. Максимов строит свой роман по принципу метатекста, но игры у него нет, тем более в принципах постмодернизма.

В романе разворачивается три уровня повествования: судьба и жизнь главного героя-нарратора Михаила Бармина в настоящем времени (эмиграция, 1960-е гг.); жизнь в прошлом времени (воспоминания героя о юности и молодости, 1930–1960-е гг.); роман главного героя о его отце, воплощающий идею о судьбе отдельного человека в истории (примерно 1910–1960-е). Таким образом, роман построен как взгляд из настоящего в прошлое, как рефлексия над прошедшими событиями.

Герой-рассказчик сам объясняет, почему он рас-

сказывает о прошлом, т.е. объясняет выбор формы своего произведения. Фактически герой-писатель раскрывает замысел своего творчества читателям, что является метаповествовательным приемом – автор делает акцент на своем присутствии в тексте. Одиночество толкает его на разговор с бумагой, и к тому же кошмары прошлого должны найти какой-то выход из памяти человека, чтобы освободить его: «Наверное, Вадим прав: неподъемно для человека отделаться от своего прошлого, пересказав это прошлое на бумаге, оно все равно вернется к нему и будет терзать его до конца дней, а глядишь, и после этого. Но жить с этим наедине я тоже не могу...» [14. С. 605]. Так сразу появляется метатекст, роман в романе, произведение главного героя Михаила Бармина начинается с вопроса «Как возникает книга?» [Там же. С. 531], т.е. с темы творчества, с темы написания романа. Творчество для героя – попытка пережить прошлое, акт творчества становится выходом из одиночества. Это и есть рефлексия: он смотрит в прошлое (свое и страны), анализирует воспоминания и воплощает их в художественный текст на глазах у читателя.

Форма написания романа отражает рефлексивное мышление героя. Поиски смысла жизни, смыслов прошлого и истории находятся в его книге. Следствием личностного поиска является создание романа через повторное переживание своего прошлого и исторического прошлого страны. Все случившееся с ним, исторические события, ломавшие его душу, привели к депрессии, душевному изнеможению и истощению. Неразрешимость поиска, который плавно перетекал в алкогольное опьянение, помогающее воскресить образы прошлого в сознании, привела героя к самоубийству как к выходу из творческого процесса. У героя Максимова особый процесс творчества – в забытьи, из памяти прошлого через пьянство и одурь, через некую бездну, книга затягивает, «как омут» [14. С. 690]. Для Бармина это оказывается закономерным, так как он – «человек с горьким жизненным опытом, опустошенный и разочарованный, мучительно старается понять: что же, какая сила управляет жизнью, почему плодами деятельности человека на планете становятся главным образом зло и несправедливость?» [15. С. 50].

Одно из проявлений метатекстового повествования, по нашему мнению – наличие вставных текстов (в том числе интертекстуального характера) или «текста в тексте», что является отражением работы эксплицитного автора. По мнению М.Н. Кулаковского, вставные конструкции наиболее свойственны автобиографическим произведениям: «Такие вставные конструкции могут передавать дополнительную событийную информацию, связанную с автором (повествователем), а также принимать активное участие в раскрытии внутреннего мира повествователя» [16. С. 16].

Во-первых, рассмотрим самый первый вставной текст – это эпиграф из книги путевых очерков / записок А.П. Чехова «Остров Сахалин» [17]: «В конце концов, изнуренная половым стремлением и голодом, она погибает, и уже в среднем течении реки начинают встречаться во множестве уснувшие экземпля-

ры, а берега в верхнем течении бывают усеяны мертвой рыбой, издающей зловоние. Все эти страдания, переживаемые рыбой в период любви, называются “кочеванием до смерти”, потому что неизбежно ведут к смерти, и ни одна из рыб не возвращается в океан. А погибают в реках» [14. С. 524]. Таким образом В. Максимов сразу ставит свое произведение в контекст лагерной прозы, при этом – первой, каторжной, ссыльной. И.М. Попова так подчеркивает значимость соотношения заглавия романа с Чеховым: «Автор проводит аналогию между рыбой, гибнущей во время нереста, и россиянами, доведенными революцией, гражданской и отечественной войнами, репрессиями до таких страданий, что их жизни превратились в “кочевание до смерти”...» [18]. По мнению А.Е. Умнова, в эпиграфе «заложена одна из главных мыслей писателя – о трагическом противоречии XX столетия, когда в результате революционного переворота началась бесконечная эпоха “кровавого безвременья”» [6. С. 1012–1013]. Название романа имеет различные смыслы, но также оно характеризует и жизнь самого Бармина – автор довел повествование до своей смерти, при этом собственную жизнь он воспринимал как *«долгое путешествие в никуда»* [14. С. 657]. Интересно, что в эпиграфе говорится об уснувших рыбах (сон – смерть), а герой засыпает навечно, включив газ.

Еще одна связь с эпиграфом отражается в размышлениях героя на кладбище эмигрантов об их судьбе: *«Бывая здесь и проходя мимо них, я всегда ловлю себя на зыбкой мысли, что рано или поздно моему имени предстоит пополнить эту непреходящую коллекцию, собранную здесь со всех концов России и ее диаспоры. Что, какой рок, инстинкт, зов, какая Божественная или человеческая воля гнала этих случайных странников по миру, чтобы в конце концов собрать их здесь, под чужим небом и на чужой земле? Сквозь версты и годы, фронты и зоны, через печали и скорби, обдирая в пути бока и души, словно рыба на нерест, они пробивались сюда заканчивать свой век и оставлять потомство для новых странствий»* [14. С. 591]. Выходит, что эмигранты плыли в другую страну умереть, как лосось на нерест (оставить потомство в безопасном месте), но плыли не домой, а из дома. Они нарушили закон родства и патриотизма, их вынудили так сделать, а теперь они умирают на чужой земле. Тема утраченного дома сплетается с темой покинутой родины (Россия = дом) в историческом контексте. Стоит отметить, что главный герой не оставляет после себя потомства.

Метатекстовое повествование проявляется также через ввод такого персонажа в лагерной больнице, как Варлам Шаламов. По представлению В. Максимова, в своих речах Шаламов обличает главные противоречия социальных слоев: ненависть к блатарам и желание спасти мозг нации – интеллигентов. Этим автор одновременно снова акцентирует связь с традициями лагерной прозы и одного из ее первых основателей, а также подчеркивает интертекстуальность повествования, характеризуя творчество писателя через его образ. В. Шаламов сравнивается с лиственницей: *«Был он высок, болезненно худ, но заметно крепок той*

внутренней упругостью, которая отличает бывалого зэка или скрученную в жгут северным солнцем лиственницу» [14. С. 581]. Это описание четко отражает центральные образы творчества В. Максимова: крепкий внутренний стержень негибаемого нравственно человека, образ лиственницы.

Мало того, что сама структура показывает рефлексию автора, книга является романом в романе, так еще и в этих разных пластах повествования есть вставные тексты. Они отражают двойную закодированность по определению Ю.М. Лотмана: «Игра на противопоставлении “реального / условного” свойственна любой ситуации “текст в тексте”. Простейшим случаем является включение в текст участка, закодированного тем же самым, но удвоенным кодом, что и все остальное пространство произведения. Это будут картина в картине, театр в театре, фильм в фильме или роман в романе» [19]. 7-я глава первой части – отрывок из историко-биографического очерка А.И. Деникина «Очерки русской смуты» [14. С. 624]. Основная функция отрывка – документально-историческая, подтверждающая подлинность истории. 13-я глава третьей части романа является косвенным вставным текстом, подтверждающим фактичность истории: автор указывает, что все факты в этой главе взяты из книги Н. Толстого «Жертвы Ялты» (подзаголовок: «Исследования новейшей русской истории»). Под общей редакцией А.И. Солженицына [Там же. С. 719]. Через это произведение и имя Солженицына автор опять же присоединяет свое произведение к направлению лагерной прозы. Также делает акцент на историчности и объективности (*исследования*) описываемых им событий.

Один из самых загадочных вставных текстов в романе (множество фрагментов из газетных статей) – это последняя глава. До этих заключительных фрагментов герой совершает самоубийство. А газетные объявления – некое послесловие автора. Нет никакого комментария и т.п. про его похороны или других героев, так как Бармин сам был рассказчиком. Но все-таки есть последняя глава с газетными вырезками, и это слово автора о призрачности человеческой жизни и ее необходимости. Три раздела в ней в основном отражают три главных события, три главных этапа в жизни любого человека. Структурно заключительная глава разделена на три части, в каждой из которых свои объявления: 7, 9 и 3 объявления соответственно. Основная их часть в каждом разделе однородна. Вся жизнь в итоге свелась к трем разделам (как будто из газеты): 1) гадание на будущее, ожидание, поиск (4 объявления); 2) знакомства, семейное счастье, поиск второй половины (тема любви) (8 объявлений); 3) объявления похоронных бюро и предложение об уходе за могилами (смерть) (3 объявления). Вот и вся жизнь, по автору. И все это – химера, образ которой так важен для писателя на протяжении романа.

Химера как необоснованная, несбыточная идея мучает героя-писателя и не дает покоя, который он в итоге находит в самоубийстве. Этот образ предстает как некий поиск зыбкой истины, которую герой хочет уловить в событиях своей жизни и которой он хочет заполнить внутреннюю пустоту. Он представ-

ляет себя полой скорлупой, «в чьей смрадной пустоте лениво кружатся фантомы и химеры прошлого» [14. С. 525]. Этот образ всплывает параллельно процессу творчества, связывается с темой времени и неразгаданного прошлого, над которым бьется герой: «Хотя порою меня настигает пугающее предположение, что за этой тайной прячется лишь пустота, бездна, ничто, откуда призрачные химеры язвительно подмигивают и показывают мне язык» [14. С. 642]. Роман героя оканчивается смертью отца, и Михаил Бармин, завершив книгу, решает прервать реальную жизнь. Так текст проникает в жизнь, руководит ей: завершение романа требует от писателя реальной трагедии. Как и в случае с рыбой (вспомним эпиграф), которая не может не умереть, выполнив цель продления жизни, герой, придя к концу роману, не может остаться жив.

Итак, вставные тексты выполняют разные функции в романе В. Максимова «Кочевание до смерти». Во-первых, актуализация интертекстуального диалога, как в случае с эпиграфом (смысломоделлирующий элемент); во-вторых, документально-историческая функция подлинности исторического факта (воздействие на читателя); в-третьих, комментарий ко всему тексту, способ завершения романа (структурное построение). Основная функция любых метатекстовых элементов – общение автора с читателем, воздействие на читателя, влияние на его восприятие и трактовку текста: «Средства метатекста, выполняя строевую, связывающую функцию, воздействуют на психическую сферу внимания реципиента, стимулируя тем самым смысловое восприятие» [20. С. 72].

Герой-писатель Михаил Бармин не только рефлексировал над прошлым и над своим тестом, он много размышляет о писательской судьбе, о призвании, о творчестве как об отдельном феномене. Например, он говорит о цене писательской судьбы: «нулю, петлю, тюрьму, суму и те самые медные трубы, оплаченные кровью, изгнанием, одиночеством» [14. С. 555]. От своих собственных изданных книг он сначала испытывает неопишемую радость, а потом приходит лишь «зола забвения» [Там же].

Бармин много размышляет о природе творчества вообще и о своем примере творчества, он признается, что если будет бездарным писателем, то «тогда уж лучше в петлю» [14. С. 556], т.е. не приемлет неудачи в творчестве. Если не состояться на этом поприще, то нужно умереть. Таким образом, можно говорить о феномене неудачного творчества в романе «Кочевание до смерти». «Творческая неудача – прежде всего собственное признание креативной несостоятельности, которому сопутствует радикальное разочарование в выбранном пути... Это горечь несоответствия своего настоящего его идеальной возможности» [21. С. 297]. Герой Максимова чувствует себя недостаточным профессиональным для этого призвания. Написание книги очень сложно и тяжело дается герою, он тратит на нее всю свою душевную силу, отдает всего себя: «Тем труднее мне теперь, когда я берусь за непосильный труд воскресить не пережитое мной, не пропущенное через самого себя, через собственную душу, а события, отделенные от меня могилами не-

скольких поколений, мятежами и войнами, страхом и забвением» [14. С. 691].

Героя мучает даже писательская зависть, Михаил Бармин пишет, но не верит в свой талант: «Я куда больше видел, куда больше знал, куда сильнее чувствовал, но на бумаге оказывался не в состоянии выразить и тысячной доли того, что переполняло, захлестывало, сжигало меня». Он говорит о себе: «...нечто вроде меня, обреченно сгрызаемое прожорливым зверем невоплощенности» [Там же. С. 566] – здесь и рок, и инстинкты, и непризнанность таланта.

Мысли о писательской профессии отражают творческий пессимизм героя – «гора родила мышь»: «Гулкий мир, переполнявший меня, обернулся на бумаге набором расхожих баек из “красивой” воровской жизни» [Там же. С. 565]. Герой, как писатель, ощущает в себе много того, что он хотел бы высказать, а на деле его творчество не имеет значимости. Совершенно другой мир живет внутри него, он пережил нечто, отличающееся от обычной жизни других людей и от той жизни, которой он теперь будет жить. Этот мир нужно воплотить в творчество: «Он грозно гудел во мне – этот мир, готовый выплеснуться на бумагу по первому моему зову» [Там же. С. 657]. Но он не находит должного выхода, герой не может воплотить на бумаге все так, как ему хочется, он не может пережить такой творческой неудачи, для ее преодоления ему нужен алкоголь. Это опьянение, в котором он пишет и творит, показано как параллель писательскому наваждению, у Бармина оно выглядит именно таким образом – как другое состояние жизни, как омут, нечто отличное от обычной жизни.

Когда конец романа и одновременно жизни уже близок, подступает страх, но особый – боязнь не смерти, а не успеть закончить роман: «Дома я прежде всего хватаюсь за рукопись, она почти закончена, мне остается только попрощаться с ее героями и поставить точку. Меня охватывает панический страх, что со мной в любую минуту может случиться самое непоправимое и я не успею, не смогу этого сделать. Я бросаюсь за машинку и почти против моей воли у меня из-под руки появляется фраза» [14. С. 726]. Будто уже сама книга управляет писателем, материал побеждает и поглощает его. Если В. Максимов смог написать о лагере, то его герой Михаил Бармин не сумел преодолеть лагерный опыт: познавательное не перешло в эстетическое осмысление. Он лишь чувствовал, этическое поглотило его: «Я куда больше видел, куда больше знал, куда сильнее чувствовал, но на бумаге оказывался не в состоянии выразить и тысячной доли того, что переполняло, захлестывало, сжигало меня» [Там же. С. 566]. Герой не может провести границу, поэтому может написать историю об отце, но не о своей судьбе. Как следствие – завершая роман, он заканчивает свою жизнь.

Таким образом, метатекстовая структура романа «Кочевание до смерти» представлена многопланово. Герой является писателем, при этом описывает создание своего романа (акцент автора на своем присутствии в тексте). Рефлексия над своим творчеством проявляется как самокритика, герой считает себя

неудавшимся писателем, в итоге роман (материал) поглощает его как личность, окончание романа предопределяет реальный конец (самоубийство) писателя. Вставные тексты работают в романе на различных уровнях: как связь с парадигмой тематического направления лагерной прозы, как подтверждение

правдивости и документальности истории в романе, как связь с читателем. Рефлексивный характер повествования влечет за собой выбор формы написания «Кочевания до смерти» – в произведение введен роман в романе и роман о романе (творчестве и писательской судьбе) героя В. Максимова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова И.М. Принципы изображения истории в романистике В.Е. Максимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12–2 (30). С. 170–173.
2. Озкан В.Б. Метароман как проблема исторической поэтики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 46 с.
3. Личманова Т.О. Феномен «нового автобиографизма» в прозе А. Варламова, О. Павлова, М. Шишкина // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6, № 6–1 (28). С. 259–262.
4. Дзиов А.Р. Автобиографическое повествование в русской литературе XX века // Литература. Культура. Эстетика. Вып. 1. Сборник научных статей кафедры литературы ШГПИ / сост. А.Р. Дзиов; отв. ред. С.Б. Борисов. Шадринск : Изд-во Шадрин. пед. ин-та, 2003. С. 27–30.
5. Дмитриева Ю.Л. Автобиографический герой в творчестве Владимира Максимова (на материале романа «Прощание из ниоткуда») // Инженерно-строительный вестник Прикаспия. 2013. № 1 (4). С. 68–77.
6. Умнов А.Е. Значимость интертекста романа Ф.М. Достоевского «Бесы» в творчестве В.М. Максимова // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2010. Т. 16, № 4. С. 1012–1016.
7. Дзиов А.Р. Проза Владимира Максимова : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994. 160 с.
8. Баклыков А.В. Жанровое своеобразие романа Владимира Максимова «Кочевание до смерти» : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Тамбов, 2000. 20 с.
9. Кольцов Д.А., Попова И.М. Особенности наррации в романистике Владимира Максимова // Вопросы современной науки и практики. 2010. № 1–3. С. 232–237.
10. Разумова А.О. «Филологический роман» в русской литературе XX века (генезис, поэтика) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 182 с.
11. Ладохина О.Л. Филологический роман как явление историко-литературного процесса XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2009. 25 с.
12. Петрова Н.А. «Филологический роман» как свод маргинальных текстов (три книги о Сергее Довлатове) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 1 (33). С. 131–136.
13. Попова И.М., Хворова Л.Е. Проблемы современной русской литературы : курс лекций. Тамбов, 2004. 104 с. URL: <http://www.tstu.ru/book/elib/pdf/2004/popova1.pdf> (дата обращения: 15.10.2014).
14. Максимов В.Е. Кочевание до смерти // Избранное. М. : Терра, 1994. С. 523–735.
15. Дзиов А.Р. Роман «Кочевание до смерти» в творческой судьбе Владимира Максимова // Проблемы современного литературного процесса. Шадринск : Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2007. 141 с.
16. Кулаковский М.Н. Вставные конструкции как средство создания диалогичности художественного текста // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 3. С. 15–19.
17. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 14–15: Из Сибири. Остров Сахалин. М. : Наука, 1978.
18. Попова И.М. Путь взыскующей совести. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Владимир Максимов. Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2008. 276 с.
19. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Академический проект, 2002. С. 58–78.
20. Буров А.А., Кулага О.В. Метатекст, метамодальность и средства их выражения в художественном тексте // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2013. № 3. С. 64–64.
21. Кондакова Ю.В. Переживание творческой неудачи и неудачники от творчества в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Феномен творческой неудачи / под общ. ред. А.В. Подчиненова и Т.А. Снегиревой. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 297–305. DOI: 10.15826/B978-5-7996-1643-4.000.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 октября 2017 г.

METATEXT STRUCTURE AND ITS EXPRESSION METHODS IN VLADIMIR MAKSIMOV'S *NOMAD TO THE END* (1994)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 53–58.

DOI: 10.17223/15617793/435/7

Lyudmila S. Starikova, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: lyudvig.star@yandex.ru

Keywords: metatext; metatext structure; reflection; inset texts; novel in novel; phenomenon of creative failure; camp prose; V.E. Maksimov; *Nomad to the End*.

The aim of the article is to analyze the metatext structure and to reveal the ways of its expression on the material of the novel *Nomad to the End* by Vladimir Maksimov. Cultural-historical, mythopoetic methods and method of intertextual analysis are used. In the course of the study, the concept of metatext closely related to the autobiographical principle is considered; the genre of the novel *Nomad to the End* with the involvement of the points of view of researchers who previously addressed it is analyzed; the construction of the work is characterized as a view from the present to the past, as a reflection on past events, which is reflected in the structure of the novel. The metatext structure of the novel is reflected through the reflective nature of the narrative, through the choice of the novel in the novel form, inset texts. The narrator describes and analyzes his past and history of Russia, writes, comments and simultaneously presents his novel about his father in the changing epoch of the revolution and civil war to the reader; he often talks about the essence of creativity and comes to a conclusion that he did not succeed as a writer. The metatext structure of *Nomad to the End* is represented in many ways. The character is a writer and describes the creation of his novel. There is an emphasis of the author on his presence in the text. Reflection over his work manifests itself as self-criticism. The hero considers himself an unsuccessful writer; as a result, the novel (material) absorbs him as a person, the ending of the novel predetermines the real end (suicide) of the writer. Inset texts perform different functions in the novel. In addition to the author's communication with the reader, influences on his perception and interpretation of the text, inset texts as metatext techniques actualize the intertextual dialogue between the novel as a work of the

camp prose with the previous tradition of penal literature (“Sakhalin Island” by Anton Chekhov) and camp prose (the names of Varlam Shalamov and Aleksandr Solzhenitsyn are introduced) (the meaning creation function), the authenticity of a historical fact (a documentary-historical function that simultaneously exercises the function of influencing the reader), a commentary on the whole text, the way of completion of the novel (structure, the composition function). The author’s inner-text reflection is represented through the temporary layers of the novel: the fate and life of the protagonist-narrator Mikhail Barmin in the present (emigration, the 1960s); life in the past (memories of the hero about adolescence and youth, the 1930s–1960s); the novel of the main character about his father embodying the idea of the fate of an individual in history (c. the 1910s–1960s). Thus, the novel is constructed as a view from the present to the past, as a reflection on past events. The reflexive character of the narrative leads to the choice of the form of writing *Nomad to the End*: the novel introduces a novel in the novel and a novel about the novel (creativity and writer’s fate) of Vladimir Maksimov’s character.

REFERENCES

1. Popova, I.M. (2013) Printsipy izobrazheniya istorii v romanistike V.E. Maksimova [Principles of imaging history in the novels by V.E. Maximov]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 12–2 (30), pp. 170–173.
2. Ozkan, V.B. (2013) *Metaroman kak problema istoricheskoy poetiki* [Metanovel as a problem of historical poetics]. Abstract of Philology Dr. Dis. Moscow.
3. Lichmanova, T.O. (2014) Fenomen “novogo avtobiografizma” v proze A. Varlamova, O. Pavlova, M. Shishkina [The phenomenon of “new autobiography” in the prose by A. Varlamov, O. Pavlov, M. Shishkin]. *Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatel’naya mysl’*. 6:6–1 (28), pp. 259–262.
4. Dziov, A.R. (2003) Avtobiograficheskoe povestvovanie v russkoy literature XX veka [Autobiographical narrative in Russian literature of the twentieth century]. In: Borisov, S.B. (ed.) *Literatura. Kul’tura. Estetika* [Literature. Culture Aesthetics]. Is. 1. Shadrinsk: Shadrinsk Pedagogical Institute, pp. 27–30.
5. Dmitrieva, Yu.L. (2013) Avtobiograficheskiy geroy v tvorchestve Vladimira Maksimova (na materiale romana “Proshchaniye iz niotkuda”) [Autobiographical hero in the works of Vladimir Maximov (on the material of the novel “Farewell from Nowhere”)]. *Inzhenerno-stroitel’nyy vestnik Prikaspiya*. 1 (4), pp. 68–77.
6. Umnov, A.E. (2010) Znachimost’ interteksta romana F.M. Dostoevskogo “Besy” v tvorchestve V.M. Maksimova [The significance of the intertext of F.M. Dostoevsky’s “Demons” in the works of V.M. Maksimov]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Transactions of the TSTU*. 16(4), pp. 1012–1016.
7. Dziov, A.R. (1994) *Proza Vladimira Maksimova* [Prose by Vladimir Maximov]. Philology Cand. Dis. St. Petersburg.
8. Baklykov, A.V. (2000) Zhanrovoe svoeobrazie romana Vladimira Maksimova “Kochevanie do smerti” [Genre originality of the novel “Nomad to the end” by Vladimir Maximov]. Abstract of Philology Cand. Dis. Tambov.
9. Kol’tsov, D.A. & Popova, I.M. (2010) Osobennosti narratsii v romanistike Vladimira Maksimova [Features of narration in the novels by Vladimir Maximov]. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki*. 1–3, pp. 232–237.
10. Razumova, A.O. (2005) “Filologicheskiy roman” v russkoy literature XX veka (genesis, poetika) [A “philological novel” in the Russian literature of the 20th century (genesis, poetics)]. Philology Cand. Dis. Moscow.
11. Ladokhina, O.L. (2009) *Filologicheskiy roman kak yavlenie istoriko-literaturnogo protsessa XX veka* [Philological novel as a phenomenon of the historical and literary process of the 20th century]. Abstract of Philology Cand. Dis. Arkhangelsk.
12. Petrova, N.A. (2016) “Philological novel” as a set of marginal texts. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 1 (33), pp. 131–136. (In Russian).
13. Popova, I.M. & Khvorova, L.E. (2004) *Problemy sovremennoy russkoy literatury: kurs lektsiy* [Problems of modern Russian literature: lectures]. Tambov: Tambov State Technical University. [Online] Available from: <http://www.tstu.ru/book/elib/pdf/2004/popova1.pdf>. (Accessed: 15.10.2014).
14. Maksimov, V.E. (1994) *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Terra, pp. 523–735.
15. Dziov, A.R. (2007) Roman “Kochevanie do smerti” v tvorcheskoy sud’be Vladimira Maksimova [The novel “Nomad to the end” in the creative fate of Vladimir Maximov]. In: *Problemy sovremennoy literaturnogo protsessa* [Problems of the modern literary process]. Shadrinsk: Izd-vo OGUP “Shadrinskiy Dom Pechati”.
16. Kulakovskiy, M.N. (2015) Vstavnye konstruksii kak sredstvo sozdaniya dialogichnosti khudozhestvennogo teksta [Inset constructions as a means of creating the dialogueness of a literary text]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik – Verkhnevolzhski Philological Bulletin*. 3, pp. 15–19.
17. Chekhov, A.P. (1978) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols]. Vols 14–15. Moscow: Nauka.
18. Popova, I.M. (2008) *Put’ vzyaskuyushchey sovesti. Dukhovnyy realizm v literature russkogo zarubezh’ya: Vladimir Maksimov* [The path of a seeking conscience. Spiritual Realism in the literature of Russian abroad: Vladimir Maximov]. Tambov: Tambov State Technical University.
19. Lotman, Yu.M. (2002) *Stat’i po semiotike kul’tury i iskusstva* [Articles on semiotics of culture and art]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt, pp. 58–78.
20. Burov, A.A. & Kulaga, O.V. (2013) Metatext, metamodality and means of their expression in the literary text. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov*. 3, pp. 64–64. (In Russian).
21. Kondakova, Yu.V. (2015) Perezhivanie tvorcheskoy neudachi i neudachniki ot tvorchestva v romane M. Bulgakova “Master i Margarita” [Experience of creative failure and losers from creativity in the novel by M. Bulgakov “The Master and Margarita”]. In: Podchinenov, A.V. & Snegereva, T.A. (eds) *Fenomen tvorcheskoy neudachi* [Phenomenon of creative failure]. 2nd ed. Yekaterinburg: Ural State University, pp. 297–305. DOI: 10.15826/B978-5-7996-1643-4.000

Received: 18 October 2017